

СВЕТЛАНА
ЛАВРОВА

Компьютер

СЕМЬ
ДНЕЙ
ДО САКУРЫ

Светлана Аркадьевна Лаврова

Семь дней до сакуры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69138151

*Семь дней до сакуры:
ISBN 978-5-00083-894-5*

Аннотация

Инна на время школьных каникул летит к троюродной сестре Ксюхе в Екатеринбург. И дело не только в родственных связях и обязательном общении с семьей: в Екатеринбурге есть необычное место, которое Инна очень хочет увидеть, – Япония эпохи Эдо! Два мира соприкоснулись в одной точке, на улице Громова, и теперь туристы со всей страны съезжаются посмотреть на это чудо.

Ксюха и Инна не просто заглядывают в Японию – они спасают самурая! Акихиро бежит от преследователей: отца признали изменником, и теперь вся его семья в опасности. В Стране Демонов – в Екатеринбурге – он неожиданно находит поддержку: случайно встреченные девочки прячут юного воина. Однако он не может вечно оставаться в XXI веке. Сможет ли Акихиро вернуться домой, не попав в руки преследователей?

Светлана Лаврова – детский писатель, автор более 70 художественных и научно-популярных книг. Ее произведения не раз становились лауреатами и победителями таких конкурсов и премий, как «Книгуру» и «Заветная мечта», а ее фантастическая

повесть «Куда скачет петушиная лошадь?», изданная в «КомпасГиде» в 2014 году, выиграла премию «Книга года». В повести «Семь дней до сакуры» под притягивающей взгляд обложкой Анастасии Хилькевич органично соединяются магия и реальность, современный Екатеринбург и Япония XVII–XIX веков, увлекательный сюжет и важные мысли о красоте, жизненном цикле и восприятии мира.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	17
Глава третья	23
Глава четвёртая	35
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Светлана Лаврова

Семь дней до сакуры

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

© Лаврова С. А., текст, 2023

© ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2023

Пролог

Сакура будет позже

*Если я не могу приехать в Японию,
то Японию нужно придвинуть ко мне.
(Глубокое убеждение автора)*

И почему в весенние каникулы всегда такая мерзкая погода? Солнце отсутствует как таковое, и вполне возможно, что оно уже погасло в какой-нибудь космической катастрофе. А Ксюха, занятая тестовой контрольной по математике, просто не заметила этой катастрофы – пусть Солнце взрывается, лишь бы математику написать. Снег не до конца стоял и лежит теперь серыми неопрятными кучками. А где стоял, так лучше б он этого не делал. Из-под него показались

липкая грязь и мусор самого неприглядного вида – от почти невинных шоколадных обёрток до собачьих какашек. Лужи мутные, с осклизлым дном и сомнительными краями. Ксюха в такую уже падала недавно, когда вырядилась на дискотеку в мамины ботинки на шпильках. Это кончилось вполне предсказуемо: шпильки завязли в грязи и отломились. Самое обидное, что шпильки уже даже не модны.

Урны от мусора не спасают, они в основном валяются на тротуаре – земля их, что ли, сильнее притягивает, чем остальные предметы? На Ксюхином пути в школу на две стоячие урны приходится пять лежащих, с разбросанным мусором. С неба сыплется нечто среднее между снегом, дождём и манной кашей – тоже какой-то мусор, только небесный. Серые унылые коробки пяти- и девятиэтажных домов ограничивают квадраты таких же серых и унылых дворов. Фу. И ещё раз фу.

Это место не твоё, это время не твоё...

– Осторожно перепрыгивай. Это очень глубокая лужа, я её с детства знаю. Она втягивается в разлом между тектоническими плитами до самой Америки, – сказала Ксюха. – Только протекая мимо ядра нашей планеты, она немного испаряется.

В ответ неуверенно хихикнули.

– Вот она!

Между двумя пятиэтажками по улице Громова показалось что-то зелёное. Трава? Точно трава. Потом стал виден край небольшого домика, скрытого ветками деревьев – ещё без листьев. Перегородки-сёдзи¹ из планочек, затянутые квадратиками бумаги, были раздвинуты, чтобы тёплое весеннее солнце лилось в комнаты и золотило свежие чистенькие татами. Над этим домиком солнце было, а дождя и снега не было. За домиком виднелись другие, похожие, – это окраина города, а дальше, на невидимой отсюда скале, будто бы висел в воздухе за́мок – изящный, причудливых линий, он парил над городом и совсем не был похож на тяжёлые каменные наشلёпки на холмах – средневековые замки Европы. Ещё дальше простирались поля и уже совсем невнятно, тенями – горы. Или облака.

Сбоку от домика с клетчатыми перегородками-стенками чуть отстранённо стояло дерево – изысканно-кривое, как на японских гравюрах. Махровый тёмно-розовый цвет плотно обтягивал ветки пушистым футляром. Футляр был не сплошной – некоторые цветы висели отдельно и вроде даже сами по себе, вопреки земному притяжению. Запах перелетал улицу Громова и таял между домами номер 136 и 138.

– Это са́кура?²

¹ Если вы забыли японский язык и не все слова вам понятны, загляните в конец книги, в словарь; там не только приведено значение слов, но и рассказано кое-что интересное про Японию.

² Мы стараемся ставить ударения в словах, возможно, незнакомых читателю, хотя на самом деле в японском языке ударение довольно условно, а в некоторых

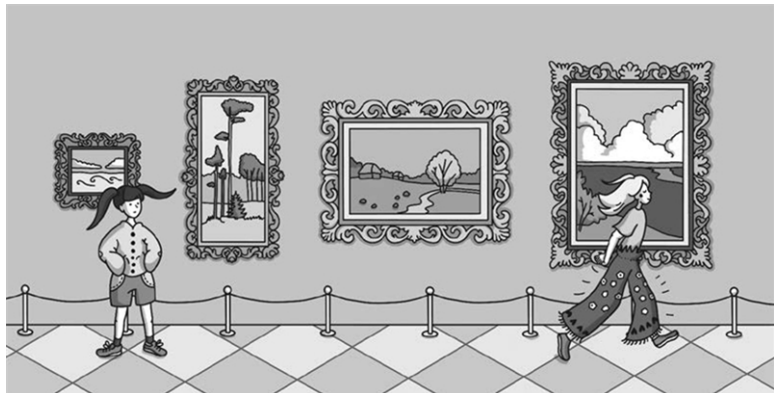
– Балда, это *умэ*, – поправила Ксюха. – То есть японская слива. Сакура будет позже.

словах – по два или даже три ударения, тут уж мы, конечно, ничего не ставим, чтобы не запутать всех. (*Прим. ред.*)

Глава первая

Гости летят, весна пришла

(воскресенье, первый день каникул)

Когда мама сказала, что на весенние каникулы к ним приедет троюродная сестра и её надо будет развлекать, то Ксюха вовсе не пришла в восторг. У неё были совсем другие планы на каникулы.

– Твоя сестра, ты и развлекай, – буркнула она.

– Моя сестра осталась у себя в Петербурге, – возразила мама. – Приедет именно твоя сестра, её дочка, – посмотреть на нашу Японию. Я работаю, бабушка тоже, а тебе всё равно

делать нечего.

Взрослые почему-то всегда считают, что детям на каникулах нечего делать.

– Не кривись, это твоя единственная кровная родственница, – сказала мама, правильно расценив Ксюхину гримасу. – И надо быть благодарной. Мы у них в Питере две недели гостили перед тем, как ты в первый класс пошла. Все музеи обошли.

Вот-вот! Ксюха не забыла этой пытки. Они с утра до вечера ходили по бесконечным залам и комнатам, где нельзя было ни бегать, ни кричать, ни даже порисовать немножко. С ними вместе ходила и эта самая троюродная сестра, она почему-то называлась по-старинному – кузина. Ксюха её тут же переназвала Кузькой, на что кузина обижалась и ревела. Но маме не ябедничала, так что Ксюха её наполовину простила. Полностью простить Кузьку Ксюха не могла. Во-первых, кузина была старше на год и выше на голову, что Ксюху очень раздражало. А во-вторых, на Кузьке были потрясающие зелёные бархатные штаны, усыпанные рубинами и алмазами! Ксюха-то по причине тёплой погоды была в жёлтых шортиках и чувствовала себя несчастной замарашкой на фоне столичной принцессы. Нет, такое не прощают. Ксюха до сих пор не знала, откуда Кузька взяла бархатные штаны с алмазами (ну, наверное, со стразами, но тогда-то она была уверена, что это алмазы). В сущности, штаны с алмазами так Ксюху потрясли, что весь остальной Петербург она вообще

не запомнила.

И вот теперь эта расфуфыренная Кузька в своих алмазах в три слоя прибывает к ним и портит Ксюхе долгожданные весенние каникулы! Но мама права, выкрутиться невозможно. Если кто приезжает в гости, его надо принять так, чтобы он думал, что о нём тут всю жизнь мечтали, – это был семейный закон, уходящий во времена первобытно-общинного строя.

– Я понимаю, что тебе иногда захочется побыть одной, – примирительно сказала мама. – Я постараюсь часть мероприятий взять на себя. Оперный театр, картинная галерея, что там ещё полагается? Тем более тогда, шесть лет назад, вы как-то не очень ладили.

Ого! Мама это заметила! Определённо мама умнее, чем Ксюха привыкла думать.

– Ещё я могу повести её с собой на работу и показать операционную, – придумала мама.

Она была уверена, что их операционная – это самый крутой аттракцион в городе и всем безумно интересно её посмотреть.

– А если кузина упадёт в обморок от вида крови, то тут же, прямо в обмороке, уедет домой! – обрадованно продолжила Ксюха.

– Глупости, – неуверенно возразила мама. – С чего это она упадёт? Она же не барышня в кринолине.

– В четверг я могу сводить её на экскурсию в нашу библиотеку, – радостно предложила бабушка. – У нас будет Зай-

кин праздник на дошкольном абонементе. Я уже сшила восемнадцать ушей.

– Ага, тринадцатилетней девице будет безумно интересно, – фыркнула Ксюха.

– Ну и ладно, – обиделась бабушка. – Тогда сама развлекай. Музеи, выставки, хи-хи, как раз то, что ты любишь. Неизъяснимое наслаждение.

– Мя-а-а-а! – это О-Цюру решила выяснить, что такое интересненькое обсуждают на кухне и не выйдет ли из этого обсуждения какое-нибудь внеочередное «пожрать». – Мя-а-а-а! – басом повторила она.

Мама погладила О-Цюру и сказала:

– Да, это тоже проблема. Гости как-то не выживают в этом доме, потому что О-Цюру орёт по ночам и не даёт им спать.

– Ура! – обрадовалась Ксюха. – Кузька... то есть эта девица помучается ночку-другую, а потом улетит к себе в Питер, где никто не кричит по ночам.

– Нет, это нехорошо, – возразила мама. – Придётся мне гладить О-Цюру всё время, пока гостя у нас, прерываясь только на работу.

Когда её гладили, О-Цюру, конечно, не кричала – кто будет кричать, когда его гладят? Однажды мама сказала, что, наверное, у О-Цюру что-то болит, вот она и жалуется. Ещё она вспомнила, что, когда Ксюха была маленькая, она тоже кричала по ночам, потому что у неё «пучил животик».

– Это как? – уточнила Ксюха, уже забывшая свои пробле-

мы трёхмесячного возраста.

– Это газы, – деликатно объяснила мама.

– О-о-о, у О-Цюру внутри газ! – восхитилась Ксюха. – Она взлетит, как аэростат, и будет парить под люстрой! Все ребята обзавидуются. Ни у кого из наших никто дома не летает.

Мама почему-то не вдохновилась такой перспективой, и они с Ксюхой потащили О-Цюру к ветеринару. Как О-Цюру понравилась поездка в маршрутке – это отдельный вопрос, и мы его касаться не будем.

– Она просто старая, – сказал ветеринар. – Шерсть тусклая, свалявшаяся, глаза слезятся, зубы стёрты. Восемнадцать лет для кошки – это как девяносто для человека. И старческие немощи, и изменение личности – всё при ней. Возможно, начинается маразм, вот она и кричит, привлекает к себе внимание. Если вас сильно беспокоят её крики по ночам, можно её усыпить.

– Ага, шаз! – возмутилась Ксюха. – Лучше вас усыпить. Посмотрим, как вам это понравится.

– Мне-то точно понравится, – устало вздохнул ветеринар. – Хоть выплюсь. А то пашу на трёх работах.

Ветеринар выписал О-Цюру успокоительное лекарство. Успокоительное О-Цюру так воодушевило, что она стала орать в два раза громче и безостановочно бегать по квартире с задранной хвостом. Она вообще была очень бодрая кошка, молниеносно взбиралась на книжные полки и занавески до самого потолка, а с пола на стол прыгала без разбега. Непо-

нятно, с чего ветеринар взял, что она дряхлая. Ну, шерсть – это да, шерсть уже не лоснилась сплошным шёлковым покровом, а распадалась тусклыми пучками. Да и ладно, это как будто новая причёска.

– Успокоительное явно пошло О-Цюру на пользу и вдохновило на подвиги, – сказала мама, снимая О-Цюру с люстры. – Может, мне тоже это лекарство выпить? Вместе с О-Цюру будем висеть на люстре и думать о вечном.

– Тебя люстра не выдержит, тебе для этого похудеть надо, – сказала бестактная Ксюха.

– Тогда отпадает, – отказалась мама, худеть не любившая. В общем, О-Цюру оставили в покое, чем она и пользовалась каждую ночь.

– Мя-а-а-а!

– Надо выдать гостье беруши, – предложила бабушка.

– Залить ей уши воском, как аргонавтам, – придумала Ксюха, вспомнившая прошлогодних древних греков по истории. – Раскалённым воском.

– Расплавленным, – поправила мама. – Раскалённый воск – это что ещё за зверство?

– Нет, просто надо гостью так энергично водить по достопримечательностям, чтобы она к вечеру падала и засыпала независимо от Цюрькиного крика, – сказала бабушка. – А главная достопримечательность нашего города – это Япония. Так что основная нагрузка всё равно ляжет на Ксюху. Она у нас в семье главный спец по Японии. Хай, со дес? Да, не

так ли?

– Хай, – вздохнула Ксюха. – И когда приедет эта столичная штучка?

– Завтра, – преувеличенно радостно сказала мама. – Я работаю, так что встретишь ты. Я попрошу дядю Серёжу привезти вас из аэропорта.

Глава вторая

Принц без штанов под нецветущей сакурой

(понедельник, второй день каникул)

Ксюха стояла в зале прилёта и чувствовала себя очень глупо. Рейс U6 389 из Санкт-Петербурга уже давно висел на табло, пассажиры выходили и выходили из полупрозрачных дверей, волоча за собой чемоданы и сумки, а Ксюха только сейчас сообразила, что совершенно не представляет, как выглядит та, кого она встречает. За шесть лет она, навер-

ное, изменилась. Рядом стояли люди с табличками «Уни-промель», «Медтроник», «Иванов Каргаполов», «ССПДТЗ» и даже «Драбадан» – интересно, это фамилия или название фирмы?

Ксюха высматривала высокую, сильно покрашенную девицу с большим чемоданом на колёсах, полным нарядов. Так должна была выглядеть кузина из самого Питера. «Жаль, что она не наденет те знаменитые зелёные брюки, – усмехнулась Ксюха. – Я бы её сразу узнала. Надо было мне тоже табличку написать. А на табличке – её имя... ой!»

Ксюха осознала, что она не помнит имени сестры – так привыкла называть её Кузькой.

«Ага, вон подходящая красotka в сапогах до пупа и с английским чемоданом, – отметила Ксюха. – Фу, какая противная. Лицо злющее. Сейчас она подойдёт ко мне».

– Извините, пожалуйста, – раздался слева робкий голосок. – Вы случайно не Ксения?

– Случайно Ксения, – кивнула Ксюха. – Я планировала назваться Елизаветой, но бабушка перепутала и случайно зарегистрировала меня Ксенией. А что?

– Наверное, я ваша сестра из Питера, – предположила та. – Или нет?

Красotka в высоких сапогах и с чемоданом с нарисованным Биг-Беном бросилась к лысому дяденьке с табличкой «Драбадан» и стала с ним обниматься. А рядом с Ксюхой стояла девочка ниже её, Ксюхи, на полголовы, с рюкзачком

за плечами и во вполне себе затрапезных джинсиках.

– А где бархатные штаны с алмазами? – вырвалось у Ксюхи.

– Что?

– Ну, шесть лет назад у тебя были бархатные штаны, все в алмазах, – пояснила Ксюха, чувствуя себя полной дурой.

Девчонка захохотала так звонко и весело, что все обернулись и заулыбались. И та драбадановая девица тоже улыбнулась доброй счастливой улыбкой. Девчонка смутилась и, дав в себе смех, сказала:

– Они же были не мои! Я их спёрла у бабушки в костюмерной! Это были штаны Золушкиного принца, они в школе спектакль ставили. А я стащила у принца штаны, чтобы произвести впечатление на гостей!

– Ну, тебе это удалось! – заржала Ксюха. – Я все шесть лет только эти штаны и помнила, весь остальной Питер на фиг забыла.

– Мне за них знаешь как влетело? Спектакль пора начинать, а принц без штанов! Бабушка и две другие учительницы в шесть рук срочно нашивали на принцевы джинсы новогоднюю мишуру от ёлки – а в это время дровосек на сцене уже жаловался на злую жену, – вспоминала девчонка. – Я после того случая театр просто возненавидела.

– Да? А мама собирается тебя в оперный повести, – сообщила Ксюха.

– Ну... если надо... – протянула девчонка.

– Не надо, – решительно возразила Ксюха. – Оперу будешь у себя в Питере слушать. У нас есть поинтереснее штучки.

– Япония? – с восторгом и страхом выдохнула сестра.

– Япония, – кивнула Ксюха. – Япония – это самое интересное, что есть в Екатеринбурге. Ага, вон и дядя Серёжа.

– Я думал, ты будешь долго получать багаж, и машину отогнал, – сказал дядя Серёжа. – А у тебя только ручная кладь. Идём.

– А можно я поведу машину? – попросила Ксюха, не особенно, впрочем, надеясь.

– Нет, – решительно отказал дядя Серёжа. – Ещё угробишь гостью.

И никого бы Ксюха не угробила. Водила она уже прилично. Просто у неё по малолетству ещё прав не было, и дядя Серёжа правильно её за руль не пустил. В прошлом году Максим, её одноклассник и сосед по подъезду, похвастался, что отец научил его водить машину. Он-то хотел произвести на Ксюху впечатление, а вышли для него сплошные неприятности. Потому что Ксюха вцепилась как репей: научи да научи, а если не учишь, значит, сам не умеешь, а только хвастаешься. Максим стащил у отца ключи и показал, что куда нажимать и как поворачивать. Слава богу, на этом этапе обучения их застал его отец, дядя Серёжа. Сыну он влепил мощный подзатыльник, Ксюха ожидала себе такого же, но дядя Серёжа кинул ей на колени растрёпанную книжку «Автодело» и сказал: «Выучишь матчасть – приходи. Покажу, как и что».

Ха, он думал, Ксюха не выучит! У неё фотографическая память, раз взглянула – и всё, запомнила навсегда. Ксюха освоила теорию в неделю, а когда дядя Серёжа взялся её проверять, продолжала наизусть с любого места. Дядя Серёжа крикнул, хмыкнул, кашлянул и стал её учить – на окраине, на безлюдном автодроме. Теперь Ксюха ездила неплохо, только парковалась слишком лихо. Нужно дожидаться шестнадцати лет и сдать на права, но годы идут очень медленно. Однако Ксюха знала, что у неё всё будет: и права, и машина.

На машину надо было ещё заработать, но это тоже после шестнадцати лет.

– Это моя кузина, – представила Ксюха гостью. – То есть по-нормальному троюродная сестра.

– Инна, – сказала та.

«Уф, слава богу, теперь понятно, как её называть», – вздохнула с облегчением Ксюха.

– А это дядя Серёжа, мой друг и учитель по автоделу, – продолжила она.

– Очень приятно, – произнесла гостья. – Я рада с вами познакомиться.

Дядя Серёжа слегка обалдел от такого политесу, но подержал светскую беседу:

– На сакуру приехали? Ещё рановато, в этом году всё запоздало.

– А Японию видно? – встревоженно спросила Инна. – Хотя бы без сакуры.

– Конечно видно, куда она денется, – хмыкнул дядя Серёжа. – Хорошо, что в понедельник прилетела, а то в выходные там толпы туристов толкуются, в ворота заглядывают. А сейчас хорошо, народу нет. Сакуры, правда, тоже нет. Ксюха, прямо сейчас покажем или сперва разместишь гостью?

– Сначала шмотки отвезём, – распорядилась Ксюха, которая сама хотела показывать свою Японию. А если ехать сразу, то главным рассказчиком непременно станет дядя Серёжа. Ксюха любила быть главной даже в мелочах. – Ты же была выше меня, – сказала она сестре.

– Наверное, ты росла быстрее, – предположила та. – Мама тебе каких-то подарков там в рюкзак положила. Вот, наверное, с размером не угадала.

– Всё, приехали. Спасибо, дядя Серёжа.

– Максу привет передать? – спросил дядя Серёжа, которого слегка забавляла безответная страсть его сына к Ксюхе. Взрослые иногда бывают очень чёрствыми.

– Передайте, – равнодушно согласилась Ксюха.

– Горячий?

– Нет, средний. Остывший. Чтоб не обжечь. Инка, идём, вот наш подъезд. Кидаем твой рюкзак и бежим смотреть Японию.

– А почему бежим? Она что, закроется? На перерыв?

– Нет, кто ж её закроет. Просто жизнь такая короткая, надо всё успеть.

Глава третья

Зеркала и сантиметры

(понедельник, второй день каникул)

Бабушка оказалась дома!

– Это катастрофа, – прошептала Ксюха. – Сейчас нас будут торжественно кормить.

Нет, Ксюха любила поесть, но торжественное кормление гостей обычно растягивалось надолго, а хотелось поскорее похвастаться Японией.

– Действительно катастрофа, – погрустнула гостя. – Я

рассчитывала у вас похудеть.

– Это ещё почему? – оскорбилась бабушка. – Твоя мать думала, что я тебя кормить не буду?

– Нет, мама рассказывала, что в вашем городе всегда было плохо с продуктами. И в детстве они посылали посылки из Питера с сыром, конфетами и копчёной колбасой.

– Ой, так то когда было! Тогда Питер был Ленинградом, Россия – Советским Союзом, а Екатеринбург – Свердловском. Всё мимолётно и изменчиво, как цветы сакуры. Особенно еда. Сейчас еды много, – и бабушка обвела широким жестом стол, на котором громоздились салаты, пироги, колбасы, пирожные, апельсины и только что не маринованные павлиньи язычки. На плите в непарадной кастрюльке скромно исходила паром картошка с мясом.

– Ой! – пискнула Инка. – Я не могу столько! Я же толстая, не то что некоторые!

– Ты?! – удивились хором бабушка и Ксюха.

– Ну да, у меня вон какое пузо, это ужасно для женщины, – и Инна звучно хлопнула себя ладошками по тому месту, которое у человека обычно называется живот.

– Кто тебе сказал такую глупость?

– Я сама вижу. В зеркале.

– Возможно, у вас кривое зеркало. – И Ксюха поволокла Инну в мамину комнату к трюмо.

Обе сестры встали перед трюмо и хором хмыкнули – Инна озадаченно, Ксюха весело. В стекле отражались девчонки с

совершенно одинаковыми фигурами. Только Инна чуть-чуть пониже.

– Так... – зловеще протянула Ксюха. – Ты, значит, толстая. А я, значит, худая. Бабуля, где у тебя сантиметр?

Измерили талии. У Ксюхи талия оказалась на полтора сантиметра толще.

– Ну-ну, – сказала Ксюха. – А я, между прочим, вторая красавица в классе. И только потому вторая, что Лерка ходит на курсы манекенщиц, а то я была бы первая. И за мной бегают треть мальчишек. Вторая треть бегают за Леркой. А третья треть – застенчивые, они обожают издалека. Поэтому непонятно кого.

– А за мной никто не бегают, – вздохнула Инна. – Я толстая. И у меня ноги короткие.

– Про то, какая ты толстая, мы уже выяснили, – фыркнула Ксюха. – Теперь с ногами разберёмся.

Сантиметром измерили длину ног от бедра до тапочек. Оказалось, что на полсантиметра ноги у Инны действительно короче, чем у Ксюхи. Но Инна ниже, так что относительная длина вышла такая же и даже больше.

– Ничего не понимаю, – растерянно сказала Инна, глядя на сантиметровую ленту. – Может, меня лицо портит? Слишком круглое?

Сравнили лица. Обе девочки были похожи – сразу видно, что родня. Только у Ксюхи – круглая среднестатистическая мордашка, такая обычная на Урале, с отнюдь не впалы-

ми щёчками и славным, совсем не голливудским румянцем. А у Инны лицо тоже округлое, но поуже и подлиннее, черты тоньше, носик поострее – сказала отцовская питерская порода. И волосы у Инны другие – тонкие, длинные, почти белые, с крупными завитками на висках. А у Ксюхи – толстые, прямые, непонятного коричневого цвета, небрежно забранные в хвост, чтобы не мешались.

– Мы здорово похожи, – подвела итоги Ксюха. – Только волосы разные. А если обе выкрасимся, например, в зелёный, то вообще не отличить будет. И если я считаюсь красавицей, то и ты тоже должна считаться красавицей.

– У нас в классе на меня вообще никто не смотрит, – призналась Инна.

– Всё ясно, ты учишься в школе для слепых, – сказала Ксюха. – Ничего, мы это исправим. Переодевайся наконец в домашнее, и пошли есть. А это что? Хорошенькая какая подвесочка.

Инна сняла джемпер, и на шее стала видна подвеска – на чёрном шнурке небольшая жемчужинка. Наверное, китайская, искусственно выращенная.

– Это мы с мамой летом в Китае были. Там всякие талисманы продавали: на здоровье, на долголетие, на любовь.

– Этот, конечно, на любовь? – понимающе уточнила Ксюха. – Нормально. Не люблю, когда много брюликов-стрази-ков, а тут строго: белая жемчужина на чёрном шнурке. А почему не помогает? Ну, насчет любви.

– Не знаю, – вздохнула Инна и тронула пальцем белый шарик. – Может, фальшивая. Я её всё время ношу – и хоть бы какая завалященькая любовь приключилась.

– Девчонки, хватит перед зеркалом вертеться, пироги уже покрылись льдом! – крикнула из кухни бабушка.

И ничего не покрылись, пироги по-прежнему были горячие и вкусные. Инна их уплетала, утешенная тем, что её талия на полтора сантиметра тоньше сестричкиной, Ксюха по мере сил не отставала. И тут на кухню пришла О-Цюру. Она спала в бабушкиной комнате и не сразу заметила, что на кухне что-то происходит. Как? Гостью кормят, а её нет?!

– Мя-а-а-а!

– Ой, какая кошечка! – обрадовалась Инка и погладила О-Цюру. Та сразу заурчала и решила, что гостя – порядочный человек. – А можно я ей дам немножко начинки из пирога? – попросила Инка. – Это же мясо, ей понравится.

– Ещё бы ей не понравился мой пирог! – почти оскорбилась бабушка. – О-Цюру, тебе крупно повезло. В честь гостей тебя обкормят вусмерть.

Инна дала О-Цюру немного начинки. О-Цюру заурчала ещё громче и решила, что гостя – не просто порядочный, а на редкость порядочный человек.

– Я люблю кошек, а у мамы аллергия, и мы не можем завести котёночка, – объяснила Инна и опять погладила О-Цюру. – Ты уже всё съела? Бедненькая голодная киска. Тебя никто никогда не кормит, да? Хочешь колбаски?

– А то! – почти по-человечески сказала О-Цюру и решила, что гостью любой ценой надо оставить в доме навсегда.

– А почему её так странно зовут? – спросила Инна, делясь с О-Цюру колбасой.

– О-Цюру – это по-японски журавушка, журавлик, – сказала бабушка. – Почему-то Ксюха её так орнитологически назвала, хотя лично я склонялась к Мурке.

– Ты лично к Мурзику склонялась, – возразила Ксюха. – Орнитологически – это как?

– Орнитология – это наука о птицах, – пояснила бабушка. – О-Цюру подобрали уже большой, и как её раньше звали – никто не знал. Я решила, что она кот. Потому что у неё был по-мужски решительный вид. Вот и назвала Мурзиком. Красивое имя. Главное – редкое.

– А я тогда совсем маленькая была, – перебила Ксюха. – И я хотела дома держать большую птицу. Очень большую.

– Зачем? – поразила Инна.

– Чтобы летать, конечно, – объяснила Ксюха. – Я понимала, что настоящий летательный самолёт дома держать не разрешат, а птицу – почему бы и нет? Вон в «Детях капитана Гранта» птица кондор унесла Роберта. И гуси-лебеди тоже кого-то катали. Гуси-лебеди – это враньё, это я понимала, а кондор – это по правде. Но бабушка почему-то отказалась держать дома кондора.

– Он в кухне не поместится, – пояснила бабушка. – Видишь, какая у нас кухня узкая. Курица не поместится, не то

что кондор.

— Ну да, кондору в кухне тесно, орлу в туалете не понравится, лебедю в ванне неприятно плавать, особенно когда воду отключают на опрессовку, а аисты вообще детей приносят, и куда потом этих детей девать — непонятно, — сказала Ксюха. — Я теперь понимаю, что это просто были взрослые отговорки, и если бы мы даже жили в огромном японском замке Химедзи, бабушка всё равно не согласилась бы на кондора.

— Конечно, — подтвердила бабушка. — Ты бы стала на нём летать, свалилась бы и разбилась. Поэтому мы выбрали на улице бездомную драную кошку банальной серой окраски, и Ксюха назвала её Журкой. Потому что не Кондором же её называть и не Аистом. А по-японски Журавушка — О-Цюру, это мы в сказке прочитали. Вот и сделался наш Мурзик О-Цюру. А теперь она старенькая, капризная, крикливая. Мы же вроде про Японию собирались рассказать? Так вот: Японии раньше не было...

— Нет, ты не так рассказываешь, — перебила Ксюха. — Япония была всегда, но не здесь.

— Мяу! — тоже перебила О-Цюру. — Я уже всё съела, вы не заметили? Какие невнимательные.

Словом, бабушка, Ксюха и О-Цюру всё время перебивали друг друга, и получалось сумбурно. Вот примерно так.

Инна. Я в интернете прочитала, что у вас в Екатеринбурге есть портал прямо в Японию. Это сделали на вашем самом

засекреченном заводе оборонной промышленности. Потому что у вас таких заводов много, а делать им сейчас нечего, потому что мир. Ужас до чего вкусный пирог с мясом.

Ксюха. С вишнями ещё вкуснее. Вишни были замороженные, а теперь в пироге разморозились.

Бабушка (*в сторону зловецим шёпотом*). Мир, ага. Оборонке делать нечего, ага.

Инна. И чтобы не простаивать, ваши заводы сделали такой портал. Это получился вид транспорта.

Бабушка (*в сторону, ехидно*). Ага, стоимость проезда до Японии 32 рубля. Билеты сохраняйте до конца маршрута – на линии работает контроль.

Ксюха. Ну, Инка, ты не верь всему, что в интернете пишут. Наши заводы, конечно, самые лучшие, но они ни при чём.

Бабушка (*в сторону зловецим шёпотом*). Самые лучшие, ага.

Ксюха (*хватает бабушкину газету и разрывает её на две части*). Вот сейчас я тебе объясню про Японию.

Бабушка. Я ещё газету не дочитала! Зачем рвать-то?

Ксюха. Бабуля, почитаешь в интернете. Газета – это пережиток. Тем более она позапозавчерашняя.

Бабушка. Это традиция, а не пережиток. Я специально газеты выдерживаю по три-четыре дня, чтобы не волноваться. Читаю про всякие катастрофы и думаю: всё уже было, всё уже прошло четыре дня назад, все уже умерли, всё хорошо.

О-Цюру. Мя-а-а-а! А рыбку?

Бабушка. О-Цюру, ты обещаешься, и у тебя заболит живот. И ты будешь орать всю ночь.

О-Цюру. Мур-р-р! Ну и что? Я хоть с животом, хоть без живота буду орать всю ночь. Так что дайте рыбку! Вон на столе красненькая, симпатичная такая, я же вижу, и не надо её от меня апельсином загораживать.

Ксюха (*кладёт один лист газеты на стол, отодвигая Иннину тарелку*). Вот на столе лежит лист бумаги, это плоскость, на которой Екатеринбург и всё остальное наше измерение. Возьмём второй лист бумаги – это другое измерение, и там как раз проецируется Япония эпохи Эдо. Эдо, прикинь! Не современная Япония, а лет 250–300 назад! Ваше круто! Приклеим его кончик к середине первого листка. Бабушка, почему у тебя на кухне клея нет! Вечно я должна обо всём думать. Ладно, вареньем приклеим. Теперь приподнимем второй лист так, чтобы совпадали только приклеенные места, а остальные части бумаги разошлись. Вот и будет модель соприкосновения двух миров одним небольшим фрагментом. Приклеенный уголок Японии находится в той же плоскости, что и наш Юго-Западный район. А остальная Япония вся вздрючена и поднята над ним.

Бабушка (*в сторону, но не очень злое*). И как теперь такую деформированную газету читать?

Инна (*просовывая палец между тем листом газеты, который лежит на столе и изображает Екатеринбург, и тем, что поднят и изображает Японию*). А если вот тут пройти?

Ксюха. Тут прикольно. Идёшь, и вся Япония над тобой. Похоже на низкое пёстрое облако. Но там в основном не ходят – боятся, что когда-нибудь всё обвалится. Там всякие нежилые дома типа складов и несколько дешёвых магазинов. И никто не живёт – потому что кто же захочет жить под Японией? Я, когда была маленькая, всё там ходила и голову задирала: ждала, что какой-нибудь японец сверху провалится или хотя бы его ноги сквозь дырку будут дрыгаться. Но никто не провалился. Дно у Японии прочное. Иногда корни деревьев прорастают и свисают прямо нам на голову. Деревья же не очень понимают про другое измерение.

Инна. А вы переговариваетесь как-нибудь? Ну, с японцами?

Ксюха. Да я вообще японский классно знаю! А бабушка нет!

Бабушка. В моём возрасте японский почему-то не запоминается и сильно смахивает на какой-нибудь ханты-мансийский. А молодёжь ничего, соображает. Сперва народ в основном по приключенческой книжке «Сёгун» японский учил, там много японских фраз написано.

Инна. А можно почитать?

Бабушка. Вон на полке стоит, вся обтрёпанная. Это взрослая книга, детям её нельзя читать. А потом в шестьдесят четвёртой, восемьдесят пятой и сто пятьдесят четвёртой школах ввели факультативы по японскому языку. А затем и в основной курс уроки японского вставили. Но наши японцы тоже

стараятся, «спасибо» выучили первым, потом легче пошло. Уже «Катюшу» поют на языке оригинала, только Л на Р заменяют.

Ксюха (*шёпотом, чтобы бабушка не слышала*). Там и про любовь здоровско.

Инна. Где, в «Катюше»?

Ксюха. Балда, в «Сёгуне». Ой, я забыла рассказать! Бабуля, прикинь: у нас на последней географии Данил сказал длину Волги в ри, а не в километрах! Ну, для прикола, не поленился вычислить. А учительница сказала, что это непатриотично. Мы аж офи... ой, то есть удивились: почему непатриотично? Оказалось, потому что в ри Волга получилась слишком короткая, всего девятьсот пять ри, а в километрах она длинная – три тыщи пятьсот тридцать километров. А длинная река, видимо, для страны лучше.

Инна. Ри – это что?

Ксюха. Ри – это древняя японская мера длины, вот в нашей Японии эпохи Эдо как раз в ри всё меряют. Ри – это три и девять десятых километра.

О-Цюру. Мя-а-а-а! Я наелась наконец! Теперь можно немножко покричать, это для пищеварения полезно. А потом вылизаться.

Бабушка. Когда гулять пойдёте, пирожков возьмите, может, Сумико встретите.

Нет, какая-то каша получается. Лучше в следующей главе

автор тихо и спокойно расскажет про эту самую Японию посередине уральского города Екатеринбурга, а то герои очень мешают своей болтовнёй. Тем более автор живёт на той же улице Громова, что и герои, и всё про Уральскую Японию знает не хуже их.

Глава четвёртая

Милая Уральская Япония

(второе десятилетие 21 века)

На первый взгляд границы нет вообще – вот тут ЮгоЗападный район Екатеринбурга, а вот тут Япония. Ни колючей проволоки, ни пограничников, ни даже заборчика какого-нибудь символического. Просто резко кончается бурая грязь и начинается зелёная трава. Пройти нельзя или почти нельзя, а смотреть можно. Вблизи всё чётко видно, а вдали туманно и расплывчато из-за кривизны пространства, в котором та Япония находится. Совсем недалеко стоят домики с перего-

родками-сёдзи из бумаги, дальше просматривается окраина какого-то города, вдали рисовые поля и то ли дорога, то ли река. А за рекой, уже совсем расплывчато, – тучи.

Или горы. Фудзи не видно. Почему-то жители нашего города думали, что в Японии отовсюду Фудзи видно – вон её художники на всех картинах рисуют. Нет, не видно, наврали художники.

И пройти на ту сторону вообще-то можно, но недалеко, на несколько шагов, а потом словно что-то мягонько отжимает назад, на нашу сторону. Вежливо отжимает, без пинков и тычков. Японцы вообще вежливые. И даже на эти несколько шагов могут пройти только местные – кто рядом с Японией живёт, на улицах Громова, Бардина, Онуфриева. Особенно детям легко: они и двадцать шагов пробегают, и тридцать. И японцы тоже так: брат с сестрой из ближнего домика часто границу переходят, особенно когда у нас снег. У них-то снег – редкость, так если в Екатеринбурге заснежило, то все японцы из ближних домиков подходят, любуются. А дети перебегают и в снежки с нашими играют. И никогда не знаешь, сколько времени человек на другой стороне продержится, иногда даже полчаса удаётся погостить.

Иной раз важные господа из тамошнего города наезжают – на конях или в носилках-паланкинах, со свитой. Наряды чудные: у мужиков доспехи вроде как половички деревенские – из цветных тряпочек, или если штатский, то штаны как юбки и рукава широкие, вот как в кино про самураев.

Наши их на телефоны фоткают, но получается расплывчато. А у женщин платья узкие, длинные, неудобные, ходить в них нельзя, так их в носилках и носят, как параличных. Автор, конечно, знает, что эти доспехи называются до-мару и на самом деле они не половички, а сделаны из металлических пластин, переплетённых шёлковыми шнурами. Очень красиво. Но на половички всё равно похоже. Не верите – посмотрите в интернете. А я пока продолжу.

Самое странное, что температура воздуха не смешивается: вот у нас зимой минус 20, а у них тепло, так наши ребята когда гуляют, то погреться заскакивают в Японию на несколько минут. И время не совпадает – там всё происходит раньше часа на четыре: и рассвет, и закат, и всё вообще.

Эта Япония у нас не очень давно появилась. Когда Ксюхина мама была маленькая, Япония в Екатеринбурге уже была. А когда Ксюхина бабушка была маленькая, то её ещё не было, а на этом месте располагался район новостроек из скучных панельных пяти- и девятиэтажек. Эти девятиэтажки и сейчас на месте: в одной автор живёт, в другой – Ксюха с мамой и бабушкой. В середине раньше был пустырь, автор с друзьями там и в войнушку играли, и шалаши строили, и космические корабли. Подразумевалось, что это сквер. Ну или когда-нибудь будет сквер, когда там деревья посадят и всякие скамеечки поставят. И вдруг вместо сквера образовалось вот такое диво.

Одни горожане говорили, что это из-за плохой экологии.

Что заводы сильно дымят. Другие говорили, что заводы по всему Уралу дымят, а Япония только у нас образовалась. И то это не из-за заводов, а из-за сибирской язвы. Был такой всамделишный эпизод в истории города в 1979 году:

авария в лаборатории, где делали всякие вакцины и бактериологическое оружие. Бактерии страшной болезни под названием «сибирская язва» из лаборатории сбежали в город, и началась эпидемия. Куча народу погибла. Ну, не куча, а всё равно много. И примерно после этого появилась в городе Япония.

– Да ну, глупости, – возражали некоторые горожане. – Бактерии маленькие, у них лапки слабые. Они своими тонюсенькими лапочками не могли переташить Японию в наш город. Да и есть ли у них лапки – неизвестно.

– Известно, – отвечали другие. – Есть. Но это военная тайна.

– Нет, всё из-за радиации. И Япония из-за радиации.

– Да окстись, баба Маня, радиации у нас в городе отродясь не было!

– Была! Просто нам не говорили!

– Не было! Народ бы знал, если бы была!

Это правда, народ у нас в городе всё знает. Правда, иногда не то, что есть на самом деле.

Поначалу, как только Япония в Екатеринбурге появилась, её очень сильно изучать стали. Сперва военные понаехали. Тамошние крестьяне напугались, из домов не выходят. Ре-

шили, наверное, что какое-то большое начальство нагрянуло и новые налоги заставит платить. Или какие-то новые демоны приехали – большинство тех японцев воспринимают Екатеринбург как Страну Демонов.

Наши военные в Японию зайти не смогли, они же не местные. Стрельнули пару раз – исключительно из любознательности, не подумайте плохого. Мы за мир. Пули и снаряды на ту сторону не пролетают, о невидимую преграду ricochetят и обратно летят к тем, кто их пускал. Да не просто так летят, а соображают – попадают не в солдат, что на гашетку нажимали, а в офицеров, которые приказ отдавали. Во какое умное оружие у нас стали делать! Так что стрелять быстро перестали и попробовали танком проехать. Танк туда не едет: стенку продавить не может, и ствол у него дрожит, как будто он к незнакомому запаху принюхивается и не одобряет, чем пахнет. Что? Не верите?! Танки не принюхиваются? Ха, у нас на Уралвагонзаводе в Тагиле такие умные танки делают! Они не то что принюхиваются, они на парадах вприсядку пляшут и даже хокку – классические японские стихи – сочинять могут! О бренности и мимолётности бытия. Конечно, современный Т-90 как вдарит – сразу бренность бытия получается напрочь. А принюхаться большого ума не надо. Это любая полевая кухня может, их в Ирбите делают. Думаете, я военные тайны выдаю? Ха, это у нас все знают.

Ну ладно, с танками не вышло – попробовали подземный ход рыть: всю улицу Громова разворотили – всё равно не по-

лучилось. Зато аккурат напротив автобусной остановки нашли стоянку первобытных екатеринбуржцев времён мамонтов и перенесли её в музей. Не верите? Завтра надо в музей сходить – сами увидите.

Пока тут военные стреляли, с японской стороны самураи понаехали, серьёзные, воодушевлённые, катанами размахивают, явно посражаться хотят – а никак!

После военных наши учёные приезжали, головами качали. В телескоп смотрели, а может, это не телескоп был, а просто большой микроскоп. Снимали в инфракрасном свете, делали спектральный анализ. Так радовались, просто как ребята в первый день каникул. Ещё бы, для науки это вообще счастье, когда посреди пятиэтажек – и Древняя Япония! Но счастье их было недолгим. Начальство приказало кирпичную стену вокруг Японии возвести и посты военные поставить – солдат с автоматами. Чтобы никто из наших за границу не сбежал. Тогда нельзя было сбежать, а полагалось жить в той стране, где уж родился. А никто и не сбежал – не пускало к себе другое измерение.

Потом началась перестройка – это когда всё старое разрушили и начали всю жизнь перестраивать. Армию тогда разоружили и кучу военных поувольняли. И тех, кто на посту на улице Громова стоял, тоже, наверное, уволили, потому что они куда-то делись вместе с автоматами. Тогда наши, местные, поглядели друг на друга, пожали плечами и потихоньку, без рекламы разобрали стену на кирпичики. А что:

у всех дачки, печки, теплички, кирпич пригодится. И опять Японию сделалось хорошо видно, и стали горожане ею любоваться.

Когда перестройка началась, возник свободный рынок. Это значит, все со всеми торговали. И наши тоже пытались аспирин и ампициллин выменивать на гравюры Харунóбу и раннего Хокусáя. В Древней Японии же аспирина нет, а гравюр кучи. Ну, не кучи, но много. Но ничего не вышло. Никакие предметы японские у нас не задерживались, а улетали за стенку или раз-воплощались, прямо как назгулы у Толкина. Особенно сакé – японская водка – красиво испарялась с шипением и свистом, на что наши мужики очень обижались. Местные мальчишки-девчонки заметили интересную закономерность. Ценные вещи – нэ́цке, гравюры, кимоно, расписные зонтики из рисовой бумаги и прочие сувениры – истаявали мимолётным дымком в духе укиё-э. А какой-нибудь драный шнурок, которым японский крестьянин обувьку подвязывал, или пуговица от Васькиных школьных брюк оставались на другой стороне невредимыми. Ксюхина мама с детства бережно хранила кокэ́си – деревянную японскую куколку, её подарила девочка Мияко из ближнего японского домика. Мама ей в ответ подарила пластмассового пупса, так тому тоже ничего не сделалось – Мияко ей потом показывала, как она белобрысого курносого расейского пупса в самодельное кимоно обрядила. Кокэ́си – смешная куколка и даже вроде некрасивая: круглая деревянная головка с нарисован-

ными чёрными короткими волосами и узкими глазами-чёрточками, а вместо всего остального – палочка. А возьмёшь в руки – и поневоле улыбаешься, и теплом от куколки так и веет. Барби так не умеют, куда им.

На эту куколку местный краеведческий музей облизывался – продайте да продайте, ей же 250 лет. Мы в раздел «Народное творчество Уральского региона» поместим. Мама куколку спрятала в диван и наврала, что её привёз из современной Японии знакомый спортсмен, когда был там на Олимпиаде. Отстали. Мама хорошо натренировалась врать, она на работе своим пациентам говорила, что они выздоровеют и будут жить долго и счастливо. Мама в онкологическом диспансере работала. Она так убедительно врала, что многие верили и выздоравливали. И вправду жили долго и счастливо. Но это к Японии не относится.

За все эти годы Екатеринбург со своей Японией сроднился. Один мэр присвоил ей название «Японский район города Екатеринбурга» и даже каждый год выбивал из госбюджета деньги на ремонт японских дорог. Непонятно, как он их на расстоянии ремонтировал. А когда в нашей Японии случилось землетрясение, так он много денег добыл у начальства на восстановление жилого фонда вверенного ему Японского района, пострадавшего от землетрясения. Наши тогда очень рвались помогать и спасать, и детишек к себе звали, и еду носили. Но японцы вылезли из-под сложившихся, как зонтики, бумажных домиков и махали нашим руками: мол, ни-

чего, дело привычное, сейчас быстренько всё восстановим. Правда, быстро восстановили, снова поставили деревянные рамки, натянули на них бумагу, фонарики развесили – красота!

Следующий мэ́р отремонтировал дома на улицах, пограничных с Японией, и даже засыпал ямы на дорогах около неё. А то перед заграницей стыдно, путь даже древней.

За это горожане были Японии очень благодарны и полюбили её ещё больше.

И туристы в Юго-Западный район потянулись. Раньше в наш город не так уж много туристов приезжало, а главный хит был грустный – церковь на месте дома, где царя убили. Ксюха считала, что нечестно убили, но это опять же к Японии не относится. А теперь народ со всей России и из-за границы ломанулся смотреть на место, где два измерения сходятся. Городские власти подсустились правильно: в месте, где самый красивый вид на Японию, поставили то́рии – красные ворота-арку, такие делали в японских синтоистских святилищах. Сверху, как положено, толстую верёвку повесили. Потому что верёвка из рисовой соломы – симэна́ва – не пускает злых ка́ми, ну, духов или богов, что ли. Правда, во всём Екатеринбурге верёвки из рисовой соломы не нашли, так повесили списанный канат из спортзала школы номер 85, благо та расположена неподалёку и на перевозку тратиться не надо. Канат уже разлохмаченный был, страшненький, и вполне вероятно, что злые ками его напугаются. Очень стильно

получилось.

И вот к этим красным воротам с утра до вечера подъезжали туристические автобусы, и гиды на всех языках говорили любознательным туристам: «Вот вам Япония! Вон там, в воротах. Нет, проходить нельзя по технике безопасности. Штраф 1000 евро. Почему евро, а не рублей? Ну мы же европейская держава. А почему не иены? Потому что иены с вас с той стороны возьмут, если в ворота пройдёте». Видно сквозь тории было плоховато, но туристы всё равно радовались. Ещё больше радовались местные жители: они лепили из манной каши рисовые колобки-мóти, делали бумажных журавликов и змеев, вырезали японские нэцке из родного берёзового капа и вынутых из борща коровьих косточек и продавали всё это туристам за бешеные деньги – якобы «оттуда» сувенирчики, им 250 лет. Народ Юго-Западного района богател и проникался тёплым чувством к Японии.

Раз в год приезжала делегация из японского посольства во главе с японским послом. В первые годы они намекали, что это японская территория, поскольку там Япония и в ней живут японцы. Логично вообще-то. Наши не спорили: ваша территория, так зайдите на неё. Ногой ступите на родную землю, так сказать. Посол ступил... ну, как ступил, так и выступил. А местный Ванька семи лет от роду тут же забежал в Японию, послу ручкой помахал, японскую муху поймал, отпустил и обратно выбежал. Ничего не поделаешь: признало посольство, что Японский район Екатеринбурга принад-

лежит России. Но на всякий случай визиты ежегодно повторяли: а вдруг что изменится и станет возможно забрать Японию в Японию?

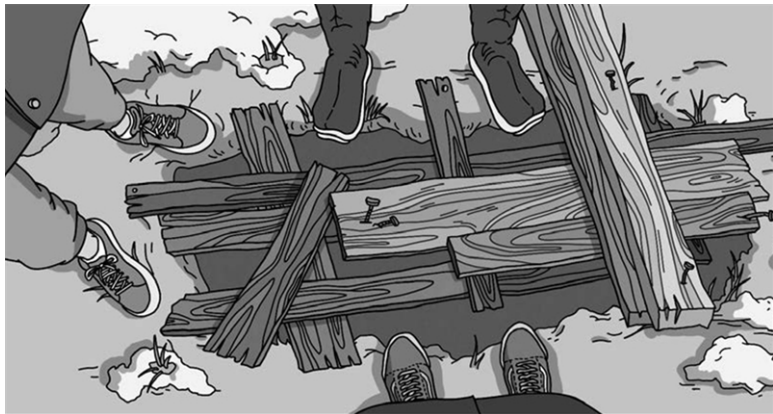
Из уважения к японцам горожане засадили улицы Громова, Бардина и Онуфриева яблонями и вишнями за неимением сакуры. И даже организовывали ханами – любованье сакурой, когда всё это зацветало. Расстилали одеялки, сидели на них, пили-закусывали, прямо как в Японии. С той стороны смотрели, руками махали – явно одобряли. В то время, когда у нас яблони цветут, в Японии сакура уже давно облетела, так что японцам нравится опять цветущими деревьями любоваться. Оказывается, в Японии тоже пельмени есть, что уральскому человеку очень приятно. Они называются гёдза и на вкус вполне себе пельмени. Так во время ханами такой обмен пельменями идёт между нами и японцами – просто душа радуется. Граница пельмени почему-то пропускает в обе стороны – наверное, не видит разницы между нашими и японскими.

Вообще-то про екатеринбургскую Японию можно много рассказывать. Но Ксюха и Инна наконец доели и собрались её посмотреть. Посмотрим и мы – сначала из-за границы, а там как пойдёт.

Глава пятая

Побег в Страну Демонов

(понедельник, второй день каникул)

– Самое красивое место они заняли для туристов, – сказала Ксюха. – Это там, где тории и киоски с сувенирами. Завтра туда ходим, некоторые сувениры очень даже прикольные. Гейша чугунная каслинского литья, прикинь? Она могучая, как сталевар. А в этом месте, где мы стоим, граница не такая непроницаемая и в Японию можно пройти легче и дальше. Видишь домик? Ну вон, за сакурой. Сакура ещё не

цветёт, так что сквозь неё всё видно. А то, что цветёт, – это умэ, слива, она уже почти отцвела. Слива у них в феврале зацветает. В домике живёт один буси, ну, воин, с семьёй.

Он из самурайской бедной семьи, практически слуга. Но всё равно самурай и благородный человек. У него сын и дочка примерно наших лет. Раньше я с ними здорово играла. Зимой мы на нашей стороне снежную крепость делали и сражались. А теперь Иоширо ходит в школу Хага, там учат сражаться на мечах и вообще всяким воинским наукам и правилам, как должен себя вести приличный самурай. Он стал такой важный и нос дерёт, что он мужчина. У них мужчина считается первый сорт, а женщина – второй или даже третий. А я ещё прошлой осенью этого «мужчину» в спарринге делала только так, одной левой! И он ещё не настоящий мужчина, ему ещё не дали взрослое имя и не выбрили лоб, как самураю, не сделали взрослую причёску. Это всё обычно в пятнадцать лет делают. А хвастается, будто уже два меча получил и всех побил! А Сумико, его сестра, уже помолвлена, это значит, что у неё есть жених. Он уехал в Эдо учиться и вернётся через несколько лет, так что свадьба не скоро. Хорошо бы Сумико вышла погулять. Мы её бабушкиными пирожками угостим. Сумико тоже ходит учиться у монахов, как правильно чай разливать да как гостю поклониться. Ну, всяким наукам, которые нужны жене самурая.

– Это лучше, чем наша математика, – позавидовала Инна, жадно вглядываясь в незнакомый мир.

– Нет, что ты, это хуже! Я математику терпеть не могу, но лучше примеры решать, чем подавать гостю чай или сакэ в японском доме. Встала на колени с подносом в руках перед дверью, где сидит гость, поставила поднос на пол, отодвинула сёдзи (это перегородка у них вместо дверей, на деревянные планочки бумага натянута). Да изящно надо отодвинуть, за три раза, а не рывком сразу открывать, это некрасиво и неприлично. Поклонилась, взяла поднос двумя руками (а он тяжёлый, там чайник полный и ещё еда всякая). Проползла на коленках в проём, поставила поднос, обернулась, задвинула сёдзи – опять за три раза, изящно, а они заедают, потому что высокая влажность и дерево бухнет... ну, разбухает. Повернулась, поклонилась, взяла поднос, доползла на коленках с подносом до гостя. Поставила поднос, взяла чайник, налила чай, повернула чашку против часовой стрелки... или по часовой? Но важно не перепутать. И сидишь ждёшь (сама не ешь), пока гость изволит всё выпить и съесть, чтобы сползть за добавкой.

– Да ну, ты всё врёшь, – не поверила Инна. – Ползком? На коленках? Она же не рабыня, а самурайка.

– Она будет жена самурая и должна всё делать по обычаю и изысканно, – сказала Ксюха. – Это не унижение, а просто обычаи. Нет, лучше математика. Хотя нашей математике японские обычаи понравились бы. Прикинь: меня вызвали к доске показать домашнее задание и решить задачу. Я кланяюсь, из-за парты опускаюсь на колени, ползу к доске с

тетрадкой, почтительно держа её двумя руками (если одной, то недостаточно почтительно), доползаю, кладу тетрадку на пол, кланяюсь учительнице, опираясь ладонями об пол, беру тетрадку, подаю учительнице, почтительно беру мел, кланяюсь портрету Пифагора над дверью, потом кланяюсь классу...

– Да ну тебя! – засмеялась Инна.

– Да так и было бы! Ладно, смотри дальше: вон туда продолжается этот самурайский район Ёкамáти. Ближе к замку живут те, кто познатнее, а здесь – мелкота. В замке – даймё, князь, он тут главный. А влево – крестьянские деревни, вон там, далеко, где поля. И дорога, по ней ездят в Эдо. Эдо – это главный город, он потом станет Токио. Там живёт сёгун и его правительство – баку́фу.

– Сёгун – это король?

– Нет, это военный правитель, он самый главный в стране. У них есть и король, называется не король, а император, но он так, для красоты. А сёгун реально правит. Император живёт в Киото, это тоже главный город. Ну вот как у нас Москва и Петербург, так у них Эдо и Киото. Киото – столица императора, Эдо – столица бакуфу, правительства. Всё интересное происходит в Эдо и Киото. А у нас тут захолустье, ничего не происходит. Ну, праздники, Новый год и прочее – это да, это весело.

– А войны?

– Войн нет, спасибо первому сёгуну династии Токуга́ва

Иэясу. Он уничтожил всех противников и залил Японию кровью, как в боевиках. Голливуд отдыхает.

– И за это ты говоришь спасибо?!

– Зато сейчас мир уже сколько десятилетий. Раньше в Японии всегда были войны. А теперь тихо. Разве плохо? А чтобы князья-даймё не бунтовали, сёгун им приказал полгода жить у себя в княжестве, а полгода – в Эдо со всеми своими придворными. Ты на новую квартиру переезжала когда-нибудь? Когда раз в полгода переезд, бунтовать реально некогда и не на что, все деньги на переезды уходят. В настоящей Японии нашего мира такой покой продолжался 250 лет. Ну, там была парочка восстаний, но это такая малость по сравнению с Эпохой воюющих провинций, когда все воевали со всеми каждый день. А в этой Японии я не знаю, как будет. Но пока довольно хорошо. Воины только тренируются, ни с кем не сражаются, ни за кем не гонятся... что это?

Вдали послышался шум – крики и топот коней. Воины? Здесь, в мирном квартале Ёкамáти?

Из-за ближнего домика выскочил мальчишка и на полной скорости налетел на Ксюху.

– Ой! Глаза дома забыл, так ушами смотри! – в лучших традициях шестого «Б» крикнула Ксюха и осеклась, увидев совсем рядом глаза мальчишки. Они были совершенно безумными.

– Боку-о коку ситэ нэ, – приказал мальчишка повелительно, будто Ксюха была ему служанка.

Крики приближались.

– Коко-э китэ, – Ксюха схватила мальчишку за руку и поволокла назад, в Россию, за сто тридцать шестой дом. Потом вспомнила о вежливости и добавила «кудасай» (пожалуйста), которое вечно забывала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.